

А. С. Г Р И Б О Е Д О В

ЕГО ЖИЗНЬ и ГИБЕЛЬ

В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ

Редакция и примечания Зин. ДАВЫДОВА

Издательство «КРАСНАЯ ГАЗЕТА». Ленинград. 1929

АРЕСТ ГРИБОЕДОВА

В 1825 году, в ноябре, мы возвратились из похода в горы. Отряд был расквартирован по казачьим станицам как для отдыха, так и для того, чтобы исправить амуницию, слишком пострадавшую от довольно продолжительного движения в горах. Главная квартира учреждена была Гребенского полка в станице Червленной.

Вскоре отправились мы в станицу Екатериноградскую. Ермолов, Алексей Петрович, назначил тут свидание с начальником своего штаба генерал-майором Алексеем Александровичем Вельяминовым, начальником в Имеретии князем Петром Дмитриевичем Горчаковым и нашим посланником в Персии статским советником Семеном Ивановичем Мазаровичем, жившим тогда уже в Тифлисе, по натянутым отношениям с персиянами. Тут нашли мы Грибоедова, возвращавшегося из продолжительного отпуска и по пути из Петербурга обратно на Кавказ побывавшего в Крыму.

Через несколько дней прибыли из Таганрога фельдъегерь Якунин с горестным известием о кончине императора Александра, и за сим получен указ о присяге императору Константину Павловичу. В тот же день, в станичной церкви, мы принесли присягу; на площади были приведены к присяге казаки станицы и рота Кабардинского полка, расположенная в станице. В тот же день отправлены были два курьера: один в Тифлис, другой в станицу Червленную, для приведения войск к присяге.

Мы собирались всякий день к обеду у Алексея Александровича Вельяминова (прекраснейшего из смертных).

После гастрономического обеда Грибоедов читал нам по несколько явлений из только что конченного «Горя от ума», которое и послужило ему впоследствии к оправданию по делу декабристов⁶³. Конец вечера проводили мы за вистом.

Накануне отъезда нашего из Екатериноградской станицы, когда были кончены все дела с начальствующими лицами, вызванными туда Алексеем Петровичем, Грибоедов должен был ехать в Тифлис, но убедительно просил Алексея Петровича взять его в назначенный тогда поход. Алексей Петрович отговаривал его, но, наконец, как-то неохотно согласился.

На другой день мы уехали в Червленную, где Грибоедов, за неимением квартиры, поместился у меня. При нем был молодой мальчик за камердинера, Алексаша. Этому Алексаше пришлось через несколько дней играть важную роль вместе с моим человеком Матвеем Алексеевым, в крепости Грозной.

Утром 25 декабря, все чиновники и офицеры, находившиеся при главной квартире, собрались, чтобы поздравить Алексея Петровича с праздником. Домик офицерский, занимаемый Алексеем Петровичем, был на площади, на углу улицы, ведущей к станице Наур, т.-е. к дороге из России. Утро было прекрасное, довольно теплое. Кто сидел на завалинке домика, кто прохаживался поблизости. Толкая о предстоящем походе в Чечню, мы увидели, что шибко скачет кто-то на тройке прямо к квартире генерала. Это был фельдъегерь Дамиш⁶⁴. Тотчас позвали его к генералу; он подал ему довольно толстый конверт, в котором были манифест о восшествии на престол императора Николая и все приложения, которые хранились в Москве, в Успенском соборе. Алексей Петрович поздравил нас с новым государем и тут же приказал дежурному по отряду сделать нужные распоряжения относительно присяги. Не медля нимало, был отпущен курьер в Тифлис к начальнику штаба, и как мы расположены были по раскольничьим станицам, то при-

шлось посылать за священником в г. Кизляр (слишком 200 верст от станицы Червленной), которого и привезли только на третий день; тогда мы все и 1-й баталион Ширванского полка, и казаки станицы, присягнули. Эта медленность была поставлена потом в вину Алексею Петровичу, между тем как вины тут никакой не было.

Когда Алексей Петрович окончил распоряжения, фельдъегерь Дамиш стал рассказывать о событии 14 декабря. В это время Грибоедов, то сжимая кулаки, то разводя руками, сказал с улыбкою:

— Вот теперь в Петербурге идет кутерьма! Чем-то кончится!

Еще было поставлено в вину Алексею Петровичу, отчего он донес о присяге с тем же фельдъегерем, а не послал кого-нибудь из адъютантов или из офицеров. Это, конечно, было бы приличнее. Не знаю, почему это случилось. Говорили, что будет послан поручик гвардейского генерального штаба Сергей Ермолов, двоюродный брат генерала; но вышло не так.

На 28 декабря велено было отряду собираться в станицу Червленную. Алексей Петрович назначил свой отъезд этого же числа и приказал за собой следовать генерального штаба подполковнику Жихареву. Тут Грибоедов стал просить убедительно, чтобы и ему следовать с генералом. Алексей Петрович согласился, и на другое утро⁶⁵ Грибоедов выступил с первым баталионом Ширванского полка, с 2 сотнями казаков, при 2 конных казачьих орудиях. Тогда время было опасное: хотя до крепости Грозной только 40 верст, но иначе идти было нельзя, так как вся Чечня находилась в волнении. Бей-Булат, первый имам⁶⁶, проповедывал казават, т.-е. войну против неверных.

Штаб отряда и тяжести должны были выступить на другой день. Так и исполнили, согласно приказанию. Хотя перевозочные средства могли быть усилены, но Алексей Петрович жалел наших нагайцев, поставлявших провиант, отчего и вышло, что нам дали с Грибоедовым одну арбу.

на которую сложили наши вещи. Люди наши следовали на вьючных лошадях.

Станица Червленная расположена близ Терека, но переправа устроена выше станицы, в четырех или пяти верстах, где мы и переправились на правый берег. В десяти верстах от переправы, за небольшим перевалом, находился Чеченский аул, при горячем серном источнике, а против аула построено укрепление, названное Горячеводском. В укреплении этом расположена была рота 43 Егерского полка под командой капитана графа Бельфорта *, который, хотя родом француз, но, кроме русского языка, не знал никакого, получив воспитание во втором кадетском корпусе.

Все, что мне удалось читать печатного об аресте Грибоедова, все совершенно не так. Видно, что это пересказанные речи. Я буду говорить, как очевидный свидетель, и ручаюсь за сказанное.

Рано утром мы выступили из Червленной и часу в одиннадцатом подошли к Горячеводскому укреплению, где назначен был привал с тем, чтобы стянуть обоз с тяжестями, который по случаю переправы очень растянулся.

Гостеприимный хозяин граф Бельфорт, ожидая нас, приготовил целого барана, жарившегося на шашлыке. Мы выпили водки или по-кавказски спирту (когда его разводить!) и принялись за гомерический завтрак на открытом воздухе. День был солнечный и довольно теплый. Исправлявший должность дежурного штаб-офицера, гвардии капитан Талызин, первый увидал, на перевале от Терека, тройку в саних, окруженную 20 или 30 казаками, и первый сказал: «Господа, ведь это должен быть фельдъегерь!» Так и вышло. Через полчаса подскакали сани, из которых выскочил фельдъегерь, с одной сумкой на груди. Он назвал себя Уклонским **. Мы познакомились и предложили

* Был комендантом в Моздоке и умер в чине полковника.

** Был впоследствии почтмейстером в Гатчине.

ему водки. Он выпил нашего спирту и принялся с нами за шашлык. Талызин, как ловкий человек, предложил дружную чарочку. Тот отказался. Успели принести от маркизанта шампанского; фельдъегерь тоже отказался, сказав, что не пьет виноградных вин. Хотели угостить чем бынибудь еще, но он ото всего отказывался. Лошадь верховая ему была готова.

Ударили подъем, и мы пошли в крепость Грозную. Погода сделалась сумрачная, да и на душе было невесело: давило какое-то предчувствие.

Подойдя к Шульцову кургану (а теперь называется Ермоловским; это, кажется, в 4 или 3 верстах от крепости), мы согласились поехать вперед отряда. Талызин, Сергей Ермолов и я, пригласивши с собой фельдъегеря, пустились на рысях и прямо к дому коменданта крепости Грозной. Алексей Петрович сидел за большим столом и, как теперь помню, раскладывал пасьянс. С боку возле него сидел с трубкой Грибоедов. Когда мы доложили, что прибыли и привезли фельдъегеря, генерал немедленно приказал позвать его к себе. Уклонский вынул из сумки один тонкий конверт от начальника главного штаба Дибича. Генерал разорвал конверт; бумага заключала в себе несколько строк, но, когда он читал, Талызин прошел сзади кресел и поймал на глаз фамилию Грибоедова⁶⁷. Алексей Петрович, пробежавши быстро бумагу, положил в боковой карман сюртука и застегнулся. Потом он начал расспрашивать Уклонского о событиях в Петербурге. Очень толково и последовательно рассказывал Уклонский. Я не обратил внимания на Грибоедова; но Талызин мне после рассказывал, что он сделался бледен, как полотно. Так как это было зимой, то мы были в черкесках и полушубках. Я вышел, чтобы узнать, где наша квартира, которая была отведена на нас четверых почти что рядом, в офицерском флигеле: мне, подполковнику Жихареву, Сергею Ермолову и Грибоедову. Это была квартира капитана Козловского (почти дослужившегося до чина полного генерала, Викентия

Михайловича, бывшего председателем Кавказских вечеров в Петербурге).

В сених встретил я Талызина, который отдавал приказание одному из ординарцев генерала, уряднику Кавказского казачьего полка Рассветаеву, чтобы он скакал в обоз, отыскал арбу Грибоедова и Шимановского и чтобы гнал в крепость. Я спросил его по-французски: на что это? Талызин отвечал: «После скажу!»

Когда я возвратился к А. П. Ермолову, снявши свой полушубок, то Грибоедова не было в комнате. Он выходил куда-то, но скоро возвратился, был, повидимому, покоен и слушал рассказы Уклонского, который назвал много арестованных. Приказано было подавать ужин, к которому генерал велел пригласить прибывшего перед тем дежурного по отряду артиллерии полковника Мищенка, приехавшего с донесением, что голова колонны прибыла и расположена бивуаком около крепости, а равно и фельдъегеря Уклонского. Походный ужин незатейлив: два блюда; стало быть, он недолго продолжался, но рассказы Уклонского заставили просидеть за столом лишнее* время, а может быть и нужно было продлить ужин для других целей. Генерал после ужина сиживал за столом всегда подолгу; тут бывали разные шутки, рассказы и анекдоты; но на сей раз ничего подобного не было, и когда мы встали и люди убрали посуду, то генерал, обратившись ко всем, сказал: «Господа, вы с походу, вероятно, спать хотите, то покойной ночи!» Все стали расходиться.

Под квартиру нам отведена была одна большая комната, но без всякой мебели; нам послано было на полу, и, чтобы удержать подушки, наши переметные чемоданы были приставлены к головам. Так было и у постели Грибоедова.

Мы с Жихаревым разделись и легли. Сергей Ермолов раздевался, но по обыкновению спорил с Грибоедовым и защищал Москву, которую Грибоедов, как и всегда, клеймил своими сарказмами. Грибоедов не раздевался. Вдруг отворяются двери, и является дежурный по отряду пол-

ковник Мищенко, но уже в сюртуке и шарфе, точно так и дежурный штаб-офицер Талызин; а за ними фельдъегерь Уклонский. Мищенко подошел к Грибоедову и сказал ему:

— Александр Сергеевич, воля государя императора, чтобы вас арестовать. Где ваши вещи и бумаги?

Грибоедов весьма покойно показал ему на переметные чемоданы, стоявшие в голове нашей постели. Потащили чемоданы на середину комнаты. Начали перебирать белье и платье и, наконец, в одном чемодане на дне нашли довольно толстую тетрадь. Это было «Горе от ума». Мищенко спросил, нет ли еще каких бумаг. Грибоедов отвечал, что больше у него бумаг нет и что все его имущество заключается в этих чемоданах. Переметные чемоданы перевязали веревками и наложили печати Мищенко, Талызин и Уклонский, у которого оказалась при часах сердоликовая печать. Потом полковник Мищенко сказал Грибоедову, чтобы он пожаловал за ним. Его перевели в другой офицерский домик, где уже были поставлены часовые у каждого окна и у двери.

Как мы ни устали, но провели эту ночь почти что без сна.

На утро мы проводили Грибоедова до кургана. Прощаясь, он повторял нам:

— Пожалуйста не сокрушайтесь, я скоро с вами увижусь.

Так и было: он приехал назад в Тифлис из Петербурга в начале сентября этого же года.

Тут нужно возвратиться к арбе с нашими вещами. Урядник Рассветаев ловко исполнил возложенное на него поручение. Он отыскал арбу, вывел ее из колонны и заставил быков скакать, так что очень скоро прибыли наши люди к назначенному нам флигелю. Тут встретило наших людей приказание елико возможно скорее сжечь все бумаги Грибоедова, оставив лишь толстую тетрадь — «Горе от ума»⁶⁸. Камердинер его Алексаша хорошо знал бумаги своего господина; он этим и руководствовал и не более

как в полчаса времени все сожгли на кухне Козловского, а чемоданы поставили на прежнее место в арбу.

Так совершилось это важное для Грибоедова событие, и потому-то он нам на прощаньи с такой уверенностью говорил: «Я к вам возвращусь». Сего конечно не случилось бы, если бы бумаги его уцелели. Да это дело прошлое; но нужно бы Грибоедову это помнить и быть благодарным. Но не так вышло, а совершенно противное ⁶⁹.

В сентябре 1826 года я был командирован по службе на кавказскую линию. Въезжая на казачий пост в Коби, я встретил Грибоедова, на его обратном пути. Из Москвы он ехал вместе с Денисом Васильевичем Давыдовым. Долго я просидел с ними; но этот случай подробно рассказан Денисом Васильевичем в его записках, изданных в Лейпциге ⁷⁰. Говорено было немало, да ума-разума не стало! Старинная поговорка...

Последнее слово о Грибоедове. Его товарищи не любили ⁷¹, у него был характер непостоянный, и самолюбие неограниченное. Вот для образца один случай. Когда, по приезде в станицу Червленную, он еще жил у меня в хате, раз приходит к нам Сергей Ермолов и, разумеется, разговор перешел на Москву. Ермолов хорошо знал по Москве Степана Никитича Б[егиче]ва и спросил Грибоедова, как он мог с этим увальнем и тюфляком так подружиться? Грибоедов с живостью отвечал:

— Это потому, что Б[егиче]в первый стал меня уважать.

А потом он же вывел этого своего друга на сцену в «Горе от ума» в лице Платона Михайловича ⁷².

Изю всех действовавших лиц в настоящем событии я один остался в живых, и что написал, то написал верно.